

АНДРЕЙ ПАНТЕЛЕЕВ

ИЗГОЙ

Андрей Андреевич Пантелеев

Изгой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70339789

SelfPub; 2024

Аннотация

«Что день грядущий нам готовит?». Довольно просто, подумалось мне. И я написал. Победитель конкурса коротких рассказов Ridero в номинации "Лучший рассказ – выбор подписчиков". Рассказ, изменивший мое привычное течение жизни. Бук-тизер "Красного течения" и первое произведение цикла "Рассказы из Газы".

Андрей Пантелеев

Изгой

– Гаспар!

Я поднял голову с парты. Ох, как же болит! Еще и чернила отпечатались на лбу.

– Гаспар! Ты опять не спал всю ночь? Я же предупреждал тебя!

Растерев как следует лоб, в надежде унять боль, я ответил преподавателю, как всегда, неуверенно:

– Да, да... простите. Больше это не повторится, обещаю.

– Ты это уже второй месяц обещаешь! – мой смуглый кудрявый приятель решил похихикать надо мной. Вот сейчас тебе сделают замечание, вот и похихикаешь!

– Наки!

– Да, профессор? – приятель поднялся из узкой парты.

– Соблюдай рамки! – профессор посадил Наки на место, но отрываться с расспросами на мне не закончил:

– Гаспар, скажи пожалуйста, сколько нужно сложить "О", чтобы получить твердую "Z"?

Я не знал ответа на эту задачу. Не знал не потому, что не хотел. А потому, что не видел в ответе хоть какой-нибудь логики. Изо дня в день нам внушали, что три латинские буквы – покровители нашей судьбы, и мы должны подчиняться законам каждой из них. А если не будем – станем такими же,

как унитарийцы, они же – блюстители разрухи и беспорядка. Вот только правда была в том, что ни те, что помешаны на латинице, ни те, что боготворят древнюю паучью символику, не желают нам достойной жизни. Мы для них – расходный материал, игрушки, что приносят прибыль и кормят самых сильных из них, богатых и обеспеченных. Кормежка происходит супом, что разлит в огромном котле на главной площади города «О» – на площади «V», когда-то названной «Площадью Победы (Виктории)».

– Ты не знаешь?

Я повертел головой.

– Что ж, а сколько необходимо сбить унитарийцев, чтобы наши танки наконец продвинулись к городу Костылев?

Мои глаза бегали по всему помещению. Проклятая комната, узкая, прямо как мышление всякого, кто со мной учится в ней. Тетрадки из туалетной бумаги, нена точенные карандаши, парты с сидушками, сделанные черт знает из чего! А еще – бесконечный холод. Не столько из продуваемых окон, сколько со стороны одноклассников.

– Я не знаю.

– Ладно, кто поможет?

Остальное у меня не было сил слушать. Да и спать уже мне не шибко хотелось: просто представьте, какого это спать в помещении, в котором на тебя со всех сторон смотрят лысые дядьки с обрусевшими мордами и синяками под глазами.

Неторопливо я плелся домой. Мой путь был короток, но

полон опасностей. Окутавшие двор пятиэтажек ряды гаражного кооператива с каждым днем обретали новые сюжеты и лозунги на бетонных и железных стенах. "УНИТАРИЙЦЫ = УБИЙЦЫ", "СЛАВА V". Конечно, оное повторялось, неоднократно. Кто, и зачем пишет все это?

Иностранцев активно вылавливали. Черные легионеры с латинской надписью «Pro mundi beneficio» избивали очередного ослушавшегося «Доктрины». Прямо на моих глазах. Страх приказал мне идти дальше.

Кирпичное наследие мирной эпохи светилось огоньками в запыленных окнах. Трехэтажный одноподъездный домик встречал меня, кожаная дверь раскрылась, раздалось мяуканье кошки, мать приветствовала меня. Холод остался позади.

– Гаспар, обед будет готов через час. Сделай пока что уроки.

К черту! Сами учите свою «Доктрину шовинизма»! – подумал я про себя. Кто надо – ответит!

Я уселся в своей комнате – единственном месте, свободном от латиницы. Единственное, на обоях через каждые полмиллиметра в строчку бежало одно и то же слово «SI». До чего мы докатились!

Каменный истукан смотрел на меня из дальнего угла. Когда-то на его месте стоял другой, поприятнее и красивше на вид, но его пришлось выкинуть. Ибо «не положено», как говорилось в «Доктрине».

– А может, не все потеряно? А дай-ка напишу об этом! Может и остальные так считают?

Помимо бесконечных повторений и перезаучиваний «Доктрины», на дом нам давали писать сочинения. На этот раз тема звучала «Что день грядущий нам готовит?». Довольно просто, подумалось мне. И я написал.

На следующее утро, после того как сопротивление унитарийцам формально закончилось, то есть так и не достигнув исходных целей (полный разгром и разоружение), я заметил обострившееся волнение в глазах всякого, кто сидел со мной в классе. Профессор выглядел так, будто сегодняшним утром он лишился всего нажитого, работы и денег. Ведь именно последнее было самым главным показателем успешности всякого законопослушного гражданина, верного последователя «Доктрины». И восхваление латиницы, как же без нее. Похоже, учащиеся и преподаватель были на грани разочарования во всем том, чем их кормили последние несколько лет власть имущие.

– Кто же? Как же мы? Я не понимаю! Они ведь говорили... – стонал в своем кресле наш безумный преподаватель.

– Профессор, можно, пожалуйста, я прочитаю свое сочинение?

Не проронив ни слова, он указал мне рукою идти к доске. Я вышел. И все ахнули. Профессор перебил меня на полуслове:

– Гаспар, погоди, зачем ты нам детально описываешь вче-

рашний день?

Я отвел взгляд от текста и взглянул на аудиторию.

– Наверно, потому что он ничем не отличен от сегодняшнего? Те же двери, те же окна, та же серость, та же злость. Та же несправедливость!

Класс завопил.

– Предатель!

– Да как ты смеешь?

– Не нравится что-то, так вали вон из класса! И из страны!

– Эй, смотрите, а Наки тихонечко уселся, небось заодно с ним!

Эти, и множество других реплик отскакивали от одной стены класса к другой. Профессор, наконец, не выдержал, и попросил тишины.

– Немедленно прекратить галдеж! Гаспар, ты в своем уме? Ты зачем позоришь меня и своих одноклассников? Какие еще иностранцы? Какая тебе серость? Какая, наконец, справедливость?

– А вы считаете, что все справедливо?

– Я считаю, что справедливости на свете нет, и быть не может! Есть только путь, вселенское, к которому тянешься! А почему вы, юноша, говорите иначе, вот это мне совершенно непонятно. Вы что, не учили «Доктрину»? Дети, кто учил «Доктрину», назовите, пожалуйста, главный ее тезис!

С места поднялся Рабби, пухленький задира-расист (о его расизме никто «ничего не знал», точнее просто поощряли

его отнюдь негуманные действия (издевательства над кошками и драки с чернокожими), особенно учителя, ибо негоже, согласно «Доктрине», «несогласным с латиницей жить на нашей земле, а еще работу «черным» у всех подряд отнимать»).

– «Удобства – это не к нам! Нам они не требуются!» – звонко процитировал пухляш начальные строки «Доктрины».

Все, за исключением меня и Наки, похлопали Рабби.

– Теперь ты вспомнил, Гаспар? Понял, что ты в меньшинстве против «Доктрины»? Такими мыслями, как у тебя, могут разбрасываться только унитарийцы, или откровенные предатели! Скажи мне, Гаспар, ты ведь против насилия унитарийцев?

– Я против насилия унитарийцев.

– А против ли нашего насилия?

– Против вашего и против всякого, что порождается власть имущими! Всякого, что порождается теми, кто вогнал нас всех в ловушку, кто указывает нам как жить! А в то же время купается в богатстве и роскоши! И призывает нас бороться за нее! Не ради нас, а ради них!

В классе снова возникло возмущение, но теперь не только Наки сидел молча и испуганно. Профессора бросало в судороги, он злился, дергался, рвал на себе волосы. Неминуемая утрата все большего числа покорных учеников приводила его в такую ярость, что он держался из последних сил,

дабы не прыгнуть на меня. Практически никто его теперь не слушал, все были поглощены неожиданным содержанием моей речи:

– Я устал от этого бреда! Я считаю презренным скрывать свои взгляды и намерения! Справедливости можно достигнуть только силой! Она есть! Есть! И справедливость, и сила! И сила в каждом из нас! Не сегодня, так завтра котел насилия на главной площади перевернется. Пусть господа-всесильные содрогаются перед тем, что их ждет!

– Гаспар, **НЕМЕДЛЕННО ПРЕКРАТИТЬ!**

– Революция! Революция! Учащимся, студентам, художникам, мастерам, ремесленникам, рабочим и солдатам нечего в ней терять, кроме своих цепей! Приобретут же они весь мир! И будет он красным, как ваша несчастная пустая голова, «профессор»!

В класс ворвались черные легионеры. Профессор раскинул оба указательных пальца в разные стороны – в мою и в сторону Наки. Проклятый очкастый черт, значит это было правдой, что под столами всех боссов и начальников скрывалась красная кнопка на случай неповиновения. Вот как на самом деле пропал моей отец! Вот почему исчезали все неугодные! Ничего, ничего! Придет возмездие! Это кнопка для них, а не для нас! Мыслями и духом мы с Наки для всех них – изгой, но процесс уже запущен. Изгоев будет становиться все меньше. Уставших и думающих – больше!

Это наш первый свободный выкрик, и явно – не послед-

ний.